

DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456

Научная статья / Research Article

Экзистенциализм М. Шлика? Мориц Шлик и его этика молодости

А.М. Давлетшина

ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Мира, 19, Екатеринбург, Российская Федерация, 620002

M. Schlick's Existentialism? Moritz Schlick and His Ethics of Youth

A.M. Davletshina

Ural Federal University
Mira 19, Ekaterinburg, Russian Federation, 620002

В статье анализируется малоизвестная область философских исследований М. Шлика, который традиционно рассматривался как ученый, занимающийся проблемами теории познания и философии науки. В центре исследования находится работа «О смысле жизни» («Vom Sinn des Lebens», 1927), где философ не только закладывает основы своих будущих работ об этике, но и предлагает оригинальный подход к проблеме смысла жизни, связывая его с понятием «молодости». Он отмечает, что большинство людей смысл жизни видят в достижении определенных целей. В итоге жизнь почти полностью заполнена деятельностью, целью которой является сохранение нашего существования. Обрести смысл жизни можно только в деятельности, содержащей в самой себе цель и ценность, поэтому смысл жизни не может находиться в работе, т.к. это деятельность не ради самой себя. Альтернативой является игра, присущая молодости. Она наполняет радостью и придает ценность жизни. Смысл жизни символизируется молодостью. Быть «молодым» можно в любое время, если понимать под юностью время игры, время деятельности и творчества. Это несет в себе необходимость изменения традиционной системы воспитания и этики, поддерживающих старость. В частности, он настаивает на том, что необходимо отказаться от этики долга и заменить ее новой этикой, где добродетель безмятежна, не испытывает давления долга и свободно разворачивается по собственной воле. Делается вывод, что «этика молодости» Шлика является симптоматичной для первой трети XX века с ее ориентацией на «нового» человека, универсальными свойствами которого были здоровье, бодрость, сила духа и общественный активизм.

© Давлетшина А.М., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: М. Шлик, ценности, внутренний опыт времени, экзистенциализм, этика молодости, смысл жизни

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00342).

История статьи:

Статья поступила 18.01.2020

Статья принята к публикации 23.04.2020

Для цитирования: Давлетишина А.М. Экзистенциализм М. Шлика? Мориц Шлик и его этика молодости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020. Т. 24. No 3. С. 445—456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456

Abstract. The article analyzes the little-known field of philosophical studies of M. Schlick, who was traditionally considered as a scientist dealing with the problems of epistemology and philosophy of science. In the spotlight of the research is the work “On meaning of Life” (“Vom Sinn des Lebens”, 1927), where the philosopher not only lays the foundation for his future work on ethics but also offers an original approach to the problem of the meaning of life, linking it with the concept of “youth”. He notes that most people see the meaning of life in achieving certain goals. As a result, life is filled with activities aimed at preserving existence. The only way to find meaning in life is through an activity that has a purpose and value in itself, so the meaning of life cannot be found in work since it is not an activity for its own sake. The alternative is the game inherent in youth. It fills you with joy and gives value to life. The meaning of life symbolizes youth. You can be “young” at any time if you consider youth as a time of play, activity and creativity. It implies the requirement to change the conventional system of upbringing and conservative ethics. In particular, he insists that it is necessary to abandon the ethics of duty and replace it with new ethics, where the virtue is serene, does not suffer from the pressure of duty and freely unfolds of its own will. It is concluded that Schlick's “ethics of youth” is symptomatic of the first third of the twentieth century since those times were oriented to the “new man”, whose universal traits were health, cheerfulness, fortitude and social activism.

Keywords: M. Schlick, values, inner experience of time, existentialism, ethics of youth, meaning of life

Funding and Acknowledgement of Sources. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant #19-18-00342).

Article history:

The article was submitted on 18.01.2020

The article was accepted on 23.04.2020

For citation: Davletshina A.M. M. Schlick's Existentialism? Moritz Schlick and his ethics of youth. *RUDN Journal of Philosophy*. 2020; 24 (3): 445—456. DOI: 10.22363/2313-2302-2020-24-3-445-456

Введение

Конец XIX — начала XX вв. представляет собой период в истории и культуре, для которого характерны коренные изменения во всех сферах жизни человека: изменялась политическая карта мира, пересматривались этические

нормы, наука открыла абсолютно новый мир, подорвав основания старых взглядов, и т.д. Эти изменения потребовали философского анализа и пересмотра традиционных идей и концепций, которые ранее казались абсолютными и неизменными.

Говоря об этом времени, нельзя пройти мимо деятельности Венского кружка в 20—30-е гг. XX века, представители которого «впитали» основные достижения естественных наук и выбрали их в качестве образца для преобразования не только гуманитарных и социальных наук, но и всего общества. В манифесте — «Научное миропонимание — Венский кружок» («Wissenschaftliche Weltauffassung — Der Wiener Kreis», 1929) — они характеризуют современную им ситуацию в науке следующим образом: «Гельмгольц, Мах, Эйнштейн и другие очистили понятия пространство, время, субстанция, причинность, вероятность. Учения об абсолютном пространстве и абсолютном времени были преодолены благодаря теории относительности; пространство и время больше не являются абсолютными вместилищами, а только упорядоченными структурами элементарных процессов. Материальная субстанция была устранена благодаря теории атома и теории поля. Каузальность была лишена антропоморфного характера “воздействия” или “необходимой связи” и сведена к отношениям между условиями и функциональному сочетанию. Далее, некоторые, считавшиеся строгими, законы природы были заменены статистическими законами и под влиянием квантовой теории множатся даже сомнения относительно применимости понятия строгой каузальной закономерности к явлениям в мельчайших пространственно-временных областях. Понятие вероятности сводится к эмпирически доступному понятию относительной частотности» [1. С. 22]. Следствием такой веры в науку стало переосмысление основных философских понятий и критика метафизики. Члены кружка настаивали на том, что в исследованиях ученые должны ориентироваться на факты, опираясь на логику и математику.

Несмотря на внутреннюю разнородность кружка, его представители сходились в основных принципах, во многом отражавших дух времени. Никто из них не был «чистым» философом, все работали в конкретных научных областях, но их объединяла общая антиметафизическая научная установка: «что вообще можно сказать, можно сказать ясно» [1. С. 16]. Их главным стремлением было *создание единой науки*. Например, лидер этого кружка, Морис Шлик (1882—1936), пишет: «Наука — это *единое* дерево со многими ветвями и листьями. Оно делает возможным познание единого мира, который не распадается на различные реальности, например, на сферу природы и сферу духа. Различие заключается не в сущности вещей, а в отличных друг от друга особенностях исследовательского процесса, а именно в различных *способах* исследования, применяемых гуманитарными и естественными науками» [2. С. 466]. Отсюда следует, что «однозначная ясность, логическая строгость и обоснованность необходимы в философии так же, как и в других науках. В ней не должно быть места догматическим

утверждениям и бесконтрольным спекуляциям, которые до сих пор широко распространены в философии» [3. С. 51]. Члены Венского кружка были убеждены в том, что в скором времени метафизические идеи будут отброшены: «Многие утверждают, что *метафизическое* и теологизирующее мышление сегодня вновь усиливается, не только в жизни, но и в науке. <...> Однако в настоящее время укрепляется и противоположный дух просвещения и *антиметафизического исследования фактов*, осознавая свое существование и свою задачу. В некоторых кругах, опирающийся на опыт и отвергающий спекуляцию способ мышления жив как никогда, лишь укрепляемый вновь поднимающимся сопротивлением» [1. С. 13]. Их также объединяло убеждение в том, что философия должна обладать собственным методом, в качестве которого они видели *метод логического анализа*. Этот метод предполагал, что решение философских проблем возможно благодаря прояснению высказываний и созданию собственно «философского» языка.

Шлик: от строгой научности к этике добра

Одним из знаковых мыслителей, в полной мере отразившем в своих работах дух времени, является Шлик, научная деятельность которого традиционно рассматривается в контексте истории Венского кружка. Именно он, как это отмечают Р. Карнап, Г. Ган и О. Нейрат, собрал вокруг себя кружок, который «объединил различные устремления в духе научного миропонимания» [1. С. 16].

В настоящее время сформировался определенный подход к рассмотрению наследия философа, при котором наибольший интерес вызывают его работы по теории познания и философии науки, такие, как «Allgemeine Erkenntnislehre» (Общее учение о познании) (1918) и «Raum und Zeit in der gegenwärtigen Physik» (Пространство и время в современной физике) (1920). Отметим, что для отечественного читателя Шлик как философ известен намного меньше, чем другие представители Венского кружка. Это объясняется тем, что на русский язык переведены только небольшие его работы — «Философия и естествознание», «Поворот философии», «Позитивизм и реализм», «О фундаменте познания», небольшой перевод фрагмента «Вопросов этики» и т.д.

Шлик был одним из ярких членов Венского кружка и оставил после себя много разных работ, где рассматривал не только проблемы теории познания, но также пытался ухватить происходящие в обществе и культуре изменения. Один из исследователей его творчества, В. Крафт, отмечает, что на заседаниях Венского кружка Шлик «зачитывал письма из переписки с Расселом и Эйнштейном, фрагменты текстов для обсуждения, анонсировал новые публикации, представлял иностранных гостей, именно он был инициатором обсуждений и нахождения идеального равновесия различных точек зрения» [3. С. 13]. Другой пример, подтверждающий авторитет Шлика — это посвящение ему манифеста о научном миропонимании, в благодарность за то,

что он решил остаться в Вене после возвращения из Стэнфордского университета.

Шлик пришел в философию из физики и поэтому был прекрасно осведомлен о достижениях современной науки. Так, он был одним из первых, кто выразил свое отношение к теории относительности в своей работе «Пространство и время в современной физике» («Raum und Zeit in der gegenwärtigen Physik», 1917). Вместе с членами Венского кружка он стоял на позиции строгой научности, и это привело к тому, что он четко разграничивал науку и философию. Например, он писал: «Не существует никакой другой проверки или обоснования истин помимо наблюдения и научного опыта. Каждая наука (если иметь в виду *существо* дела, а не человеческие организации) есть система знания, т.е. истинных опытных предложений. Совокупность наук, включая высказывания повседневной жизни, есть система знания. Не существует за пределами какой-то особой области “философских” истин, философия не является системой предложений, не является наукой» [4. С. 101]. Его скепсис по отношению к философии как науке звучит в таких фразах, как: «Добилась ли философия за последнее время вообще каких-то успехов? Если бы такие успехи были, то все было бы ясно, в чем они заключаются» [4. С. 98]. Отказывая философии в статусе науки, Шлик предлагает рассматривать ее как деятельность: «Философия проясняет предложения, а наука их верифицирует». Согласно ему «подлинная задача философии заключается в том, чтобы исследовать и прояснять *смысл* утверждений и вопросов» [5. С. 287]. Таким образом, философия, не являясь наукой, должна не описывать мир, а превратиться в инструмент научного познания, в особый род аналитической деятельности.

Выше уже говорилось о том, что работы Венского кружка обычно ассоциируются с теорией и философией науки. Однако было бы неправильно ограничивать исследования только этой проблематикой. Члены этого кружка занимались также политикой, их интересовали проблемы ценностей и вопросы этики. По этим вопросам их взгляды значительно различались. Например, Р. Карнап негативно относился к идее об объективности ценностных суждений: «Либо для “хорошо”, “прекрасно” и иных предикатов, используемых в нормативных науках, задают эмпирические характеристики, либо не делают этого. В первом случае предложение с предикатом такого рода становится эмпирическим суждением о фактах, но не суждением о ценностях; во втором случае оно становится псевдопредложением. Предложение, выражающее ценностное суждение, вообще нельзя образовать» [3. С. 194]. В другом месте встречаем: «Объективную значимость некоторой ценности или нормы нельзя (согласно философии ценностей) эмпирически верифицировать или дедуцировать из эмпирических предложений. Поэтому их вообще нельзя высказать (с помощью осмысленного предложения)» [3. С. 194—195].

Как и другие члены Венского кружка, Шлик не был в стороне от того, что происходило в обществе, поэтому не удивительно, что им было написано

несколько этических работ, такие как «Lebensweisheit. Versuch einer Glückseligkeitslehre» (Жизненная мудрость. Опыт учения о счастье) (1908) и «Fragen der Ethik» (Вопросы этики) (1930). Наиболее значимым является сочинение «Вопросы этики», где предпринята попытка заложить научные основания учения о морали. Он предупреждает, что «этика обычно рассматривается как часть философии. Но согласно предлагаемой здесь точке зрения философия является не наукой, т.е. не системой высказываний, а прояснением содержания научных (да и всех прочих) суждений, т.е. ее задача состоит в том, чтобы обнаруживать или обосновывать их собственный смысл» [6. С. 188]. Поэтому, говоря о своей работе, он отмечает, что это философское сочинение, а значит «его предложения имеют значение не истинных высказываний, сообщающих об определенных фактах или законах, но побуждают читателя к реализации таких духовных актов, благодаря которым определенные высказывания обретают свой ясный смысл» [6. С. 189]. Этические высказывания — «это те самые высказывания, с которыми вы встречаетесь каждый день (например, “это благонамеренный человек”, “тот мужчина взял полную ответственность за свой поступок”). Они не формулируются в этой работе, а составляют предмет ее рассмотрения» [6. С. 189]. Но также он считает свою работу отчасти и научной, т.к. в ней даются истинные суждения, ведь «если существуют этические вопросы, которые имеют смысл и на которые возможно ответить, то этика является наукой. Потому что правильные ответы на ее вопросы смогут образовать систему истинных высказываний, а система истинных высказываний о каком-либо предмете как раз и называется “наукой” об определенном предмете» [6. С. 189]. В связи с тем, что эти суждения касаются поведения людей, то этика возможна как эмпирическая наука, часть психологии [6. С. 205—206].

В своей работе Шлик рассматривает такие понятия, как «удовольствие», «гедонизм», «долг», «добро». Он выступает критиком Канта и противопоставляет его деонтологической этике новую этику — этику добра. Он убежден в том, что «тот, кто делает добро из долга, стоит на более низкой ступени, чем тот, кто делает это из склонности <...> и если о морали речь должна идти только в первом случае, то все наше стремление должно быть направлено на то, чтобы сделать мораль излишней» [7. S. 200]. Этика добра Шлика основывается на внутреннем побуждении к действию, на чувстве, а не на рассудочном представлении о долге. Долг оправдан тогда, когда он внутренне принимается, а это значит, что человек морален, если он «по внутреннему побуждению стремится к тому, что общество устанавливает в качестве долга» [3. С. 196].

О смысле жизни

Для понимания Шлика как философа интересна работа «О смысле жизни» («Vom Sinn des Lebens», 1927), которая отражает его «чувствование»

мира и которая делает более ясной его этическую философию. В определенном плане данное эссе можно назвать попыткой осмыслить место человека, находящегося в состоянии кризиса, в своем времени.

Центральной темой эссе является ответ на вопрос, что является смыслом жизни. Шлик начинает с того, что отмечает, что практически каждого из нас тревожит вопрос о смысле жизни (*Sinn des Lebens*). Не задаются этим вопросом либо те, кто имеют душу ребенка и еще не научились спрашивать, либо те, кто уже устал от жизни и отучился спрашивать, т.к. не смог найти смысл своего существования. Между этими двумя группами людей находятся те, кто пытаются отыскать смысл жизни, но постоянно сталкиваются с тем, что этот смысл скрывается и не дает себя обнаружить. Большинству людей кажется, что смыслом их жизни является достижение определенных целей. Но при этом часто оказывается, что человек, достигая цель, вместо чувства наполненности ощущает пустоту, которая толкает его к новой цели, а за ней еще к одной и т.д. В итоге вся жизнь предстает бесконечной деятельностью по установлению и достижению целей. Такой взгляд на человеческую жизнь Шлик считает пессимистичным: «В самом деле, мы никогда не найдем окончательного смысла в бытии, если будем рассматривать его только с точки зрения цели» [8. S. 333]. Погоня за целью может превратиться в движение, которое в логике называют «дурной бесконечностью».

Для современного человека, для которого характерно состояние потерянности и оторванности от бытия, поиск смысла жизни является важной задачей. Человек погружен в рутину повседневных дел, все его время заполнено повторяющимися действиями на работе, которая служит удовлетворению его повседневных нужд. Наша жизнь почти полностью заполнена деятельностью, целью которой является сохранение нашего существования. Согласно Шлику современный мир практически не знает деятельности ради самой деятельности. Сегодня *цель* имеет огромную власть над человеком: «настоящее поклоняется работе» [8. S. 333]. *А работа* — это целенаправленная деятельность, связанная с сохранением жизни, приобретением хлеба и т.д. Шлик полагает, что «содержание бытия составляет работа, необходимая для бытия» [3. S. 333]. Получается, что люди постоянно бегают по кругу — от цели к цели — на находя времени задуматься и попытаться проникнуть в смысл жизни. Человек определяет свою жизнь результатом (плодом) своей деятельности (труда), думая, что именно здесь кроется ценность и смысл жизни. Он не осознает, что пытается найти ценность в том, что оторвано от него самого. Ведь работа — это деятельность, которая выполняется не ради самой себя, а ради чего-то иного. Другими словами, она не самоценна.

Поэтому такая работа — нацеленная на выживание — не может придать осмысленность жизни, как бы человек не пытался убедить себя в этом. Если мы обратимся к истории философии, то подобное отношение к сущности «работы» не является исключительным, а наоборот, отражает рефлексии мыслителей XIX—XX вв. на коренные изменения в функционировании

общества. В частности, можно обратиться к рассмотрению экономической деятельности К. Марксом и понятию «отчуждения», где «осуществление труда, это его претворение в действительность, выступает как *выключение рабочего из действительности*, опредмечивание выступает как *утрата предмета и закабаление предметом*, освоение предмета — как *отчуждение*, как *самоотчуждение*» [9. С. 324]. В итоге «деятельность выступает как страдание, сила — как немощь, оплодотворение — как оскотление, *собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не деятельность?)* — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность» [9. С. 329].

Шлик считает, что «суть и конечная ценность жизни может заключаться только в таких состояниях, которые существуют ради нее самой, которые несут в себе ее исполнение» [8. S. 334]. *Жизнь* означает движение и действие, ценное само по себе. Обрести смысл жизни можно только в *деятельности*, содержащей в самой себе и цель и ценность, а не направленной на цели и ценности вне ее [8. S. 334].

Для обозначения такой деятельности Шлик использует слово «*игра*» (Spiel), акцентируя тем самым внимание на том, что цель свойственна самому процессу игры, а не находится вне ее). Игра ценна сама по себе, а понимаемая как игра жизнь приобретает экзистенциальный характер: играя, человек проявляет свою сущность. В часы игры жизнь открывает себя человеку, освобождаясь от давления цели. Для захваченного игрой человека бытие открывает свой смысл.

Современный человек, в погоне за смыслом жизни и в попытке не потерять почву под ногами, упорно пытается найти смысл в *работе*, и недооценивает игру. *Игра* для него — это детская забава, которая должна остаться в воспоминаниях о юности. Шлик, напротив, отмечает, что «игра также может быть созидательной» и приносить счастье подобно работе [8. S. 336]. Понять это, однако, является одной из наиболее сложных задач для человека. Не менее сложным является понимание того, что игра — это не только атрибут детства и юности, но она свойственна и периоду зрелости. Речь здесь идет о «творческой игре». Пример, находящийся на поверхности, — это деятельность художника, для которого основной ценностью является не результат его деятельности, а сам процесс и чувства, которые возникают в это время. Другой пример — это работа исследователя, ученого. Шлик убежден в том, что «познание — это чистая игра ума, а борьба за научную истину является для него самоцелью, ему приятно измерять свои силы в загадках, которые задает ему реальность, совершенно не заботясь о пользе, которая может как-то вытекать из нее» [8. S. 337]. Конечно, в деятельности исследователя или художника есть место и рутинной работе (подготовка инструментов, материалов и т.д.), и достижению результата (картина, новый физический закон), имеющим практическую ценность. Для того чтобы это понять, достаточно перестать рассматривать эту деятельность как самодостаточный

процесс. Но если рассматривать деятельность как игру, в которой каждый момент *переживается* и *ощущается* в полноте его бытия, то даже починка обуви или пахота поля станет осмысленной. Шлик пишет: «Мысль о человеке, освобожденном от всех мучительных целей, от всех надвигающихся забот, безмятежно преданном мгновению, по крайней мере, не является противоречащей, не невысказанной мыслью» [8. S. 339]. Делая такой вывод, он понимал, что будет подвергнут критике: если человек должен жить моментом настоящего, то чем он отличается от растений и животных, живущих переживаемым моментом «здесь и сейчас»? Но для него человек уникален в своем «чувствовании» времени. Только человек может не только охватить в разуме прошлое, настоящее и будущее, но и осознать течение времени, тем самым понимая ценность конкретного момента. Осознание значимости этого момента делает человека по-настоящему свободным, что отличает его от других живых существ.

Шлик отмечает, что, к сожалению, «большая часть нашего бытия, наполненная целеустремленным, чуждым трудом, не имеет для себя никакой ценности, но получает ее только через отношение к праздничным часам игры, для которых труд создает только средства и предпосылки» [8. S. 340]. Жесткое исполнение обязанностей в служении цели в итоге ограничивает свободу человека, не давая ему развиваться. В ситуации детерминированности целями у него возникает неосознаваемое желание заполнить время деятельностью, подчиненной полезным и прагматичным целям. Чтобы оправдать эту жертву, некоторые пытаются изыскать хотя бы несколько минут или часов осознанной и содержательной жизни: «Мы всегда находим человека, готового отдать бессмысленный остаток жизни за наполненный ценностями час» [8. S. 341]. Отметим, что игра, по Шлику, сопровождается не чувственным удовольствием, а духовной радостью. Попытки наполнить свою жизнь, предаваясь чувственным *удовольствиям* (*Vergnügen*), Шлик расценивает как суррогат. Жизнь следует наполнять *радостью* (*Freude*), которая является созидающей и придает ценность жизни. Удовольствие лишь вскользь задевает душу, затуманивает ее, а радость наполняет душу смыслом.

В своей работе Шлик также высказывает парадоксальную мысль о том, что смысл жизни символизирует молодость. Это несет в себе необходимость изменения традиционной этики. Вопреки устоявшимся воззрениям на жизнь как процесс развития, в ходе которого постепенно разворачивается смысл и мы все ближе подходим к разгадке смысла жизни, Шлик воспевает молодость. Если традиционно молодость понимают как период незрелости, роста ума и тела, время обучения, подготовки к работе, т.е. лишь как средство для достижения в будущем определенных целей и как время для обучения, которое не несет в себе никакого иного смысла, то Шлик предлагает переосмыслить молодость как нечто ценное само по себе. В этом отношении он следует Ж.-Ж. Руссо и М. Монтеню, педагогика которых запрещала воспитывать детей как взрослых, лишая их тем самым юности и счастья.

Сегодня этот подход в воспитании забыт и молодежь воспитывают на идее ценности будущего времени, а не настоящего. При этом ценность жизни из «незаконченной молодости» переносится в «зрелую старость», поиск смысла жизни отодвигается в будущее в надежде найти его если не в радости «здесь и сейчас», то по крайней мере в спокойствии и отрешенности старческого возраста.

Согласно Шлику *смысл жизни нужно искать в настоящем*, а не в будущем. Здесь следует обратить внимание на то, что понятия «молодость» и «юность» у Шлика — это не понятия физиологии, а скорее метафоры. Так, юность может остаться в прошлом, но это не означает, что при этом навсегда теряется возможность ощущения наполненности жизнью. Быть «молодым» можно в любое время, если понимать под юностью время игры, время деятельности и творчества. Везде, где деятельность перестала быть работой и стала игрой, есть место для «молодости» и юношеского энтузиазма. Человек, испытывающий сильные и чистые чувства в своей деятельности — юноша, ребенок. *Молодость* — это не определенный отрезок жизни, а *состояние*, не имеющее ничего общего с годами. «*Смысл жизни — молодость*» («*Der Sinn des Lebens ist die Jugend*»), — провозглашает Шлик, проявляя свое знакомство с философией Ницше.

Этика молодости

Традиционная система воспитания и обосновывающая ее этика, по Шлику, поддерживают старость, поэтому он предлагает свою «философию молодости». Если традиционно все человеческие ценности группировались вокруг трех категорий «прекрасное», «хорошее» и «истинное», которым соответствовали три способности — «чувство», «воля» и «мышление», то Шлик предлагает связать эти ценности как входящие в ценностное понятие молодости через «игру» как высшую способность. В этом случае в чистой преданности чувству коренится прекрасное и искусство; чистое мышление ради самого себя предстает как источник познания и науки, а воля становится игрой, создающей добро.

То, что жизнь обогащается молодостью, наполняясь красотой, принимается всеми. Но когда речь идет не о сфере эстетического, а об этическом, то связь нравственности с молодостью и игрой не очевидна и предстает скорее как проблема. Данный вопрос Шлик считает принципиально важным, т.к. в этическом для него проявляется истинная суть жизни. Развивая свои идеи, Шлик порывает с традицией, согласно которой считается, во-первых, что мораль начинается с ответственности, поэтому она не может быть связана с молодостью. Кроме того, ответственность подразумевает серьезность и тем самым она противопоставлена игре. Во-вторых, понятие *долга* (*Pflicht*), которое часто ставится в центр этики, предполагает понятие цели. Подчиняясь нормам, мы находимся под властью целей. В силу этого силлогизма получается, что смысл жизни состоит единственно в исполнении долга. Шлик отмечает,

что соответствующее данным представлениям понятие *нравственного* искажено, поскольку скованно представлениями о почтенном возрасте как условии нравственного бытия, запретами и превращено в серьезное дело. А ведь настоящая истинная добродетель безмятежна, далека от давления норм и свободно разворачивается по собственной воле. По Шлику, этическое совершенство — это юношеское совершенство. Подчиненность целям — это, напротив, источник всех моральных зол, истинное грехопадение. Он пишет: «Но кто обладает способностью к вечной молодости, кого годы не могут состарить, тот остается способным и к безмятежной, высшей добродетели, к дарающей добродетели, которая смеется над добром и раздает свои дары, а не продает их за сознание исполненного долга» [8. S. 351]. Высшая ступень нравственной жизни сопряжена с силой и глубиной чувства, а юность — это время самых глубоких чувств, время наиболее ярких впечатлений.

Данные философские рассуждения требуют перестройки культуры, которая должна быть нацелена на «омоложение человека» в философском смысле. Это подразумевает, прежде всего, что поступки и действия должны быть освобождены от господства целей, а деятельность должна строиться на принципах игры. Большую роль Шлик отводит здесь воспитанию, которое должно способствовать сохранению «юности», «детского» в человеке.

Заключение

Заключая, можно отметить, что предлагаемая Шликом «этика молодости» симптоматична для 20—30-х гг. XX века с их ориентацией на «нового» человека, универсальными свойствами которого были здоровье, бодрость, сила духа и общественный активизм. Это время оказалось тревожным для человека: не только из-за войн, которые дискредитировали ценности старого мира, но и из-за разрушения самой социальной реальности и ее законов. Кинематограф за короткий период времени изменил образы пространства и времени, открытие теории относительности А. Эйнштейна привело к переосмыслению действительности (ведь теперь время можно остановить и даже повернуть вспять) и т.д. Культура оказалась пропитана темой «времени» и «современности», закономерным логическим шагом чего стала опора на молодость, понимаемую как «будущее в настоящем», как то, разворачивание чего созвучно ходу общественной жизни. Ориентация на молодость, юношество была наполнена надеждой и ожиданиями «новой жизни» в настоящем, в стремлении преодолеть чувство тревоги и придать ценность тревожной современности. Таким образом, этику Шлика можно считать продуктом и отражением его бурного, революционного времени.

Список литературы

- [1] Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. 2005. № 2 (47). С. 13—26.

- [2] Шлик М. Философия и естествознание // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1. С. 213—226.
- [3] Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М.: Идея-Пресс, 2003. 224 с.
- [4] Шлик М. Поворот философии // Аналитическая философия. Избранные тексты. М., изд-во Московского университета, 1993. С. 28—33.
- [5] Шлик М. Позитивизм и реализм // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: Ид «Территория Будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 283—309.
- [6] Шлик М. Вопросы этики // Логос. 2008. № 1 (64). С. 188—206.
- [7] Schlick M. Fragen der Ethik. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1984. 208 s.
- [8] Schlick M. Von Sinn des Lebens // Symposion. Philosophische Zeitschrift für Forschung und Aussprache. Jg.1. 1927. S. 331—354.
- [9] Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. С. 303—358.

References

- [1] Carnap R, Hahn H, Neurath O. Nauchnoe miroponimanie — Venskij kruzhok [The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle]. *Logos*. 2005; 2(47):13—26. (In Russian).
- [2] Schlick M. Filosofiya i estestvoznanie [Philosophy and natural science]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2004; 1(1):213—226. (In Russian).
- [3] Kraft V. *Venskij kruzhok: vzniknovenie neopozitivizma* [Vienna circle: the emergence of neopositivism]. Moscow. Ideya-Press; 2003. 217 p. (In Russian).
- [4] Schlick M. Povорот filosofii [The Turning Point in Philosophy]. In: *Analiticheskaya filosofiya. Izbranny'e teksty*. Moscow. Izd-vo Moskovskogo universiteta; 1993. P. 28—33. (In Russian).
- [5] Schlick M. Pozitivizm i realizm [Positivism and realism]. In: *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. *Izbrannoe*. Moscow. Id «Territoriya Budushhego», Ideya-Press; 2006. P. 283—309. (In Russian).
- [6] Schlick M. Voprosy` e` tiki [Problems of Ethics]. *Logos*. 2008; 1(64):188—206.
- [7] Schlick M. *Fragen der Ethik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag; 1984. 208 S.
- [8] Schlick M. Von Sinn des Lebens. *Symposion. Philosophische Zeitschrift für Forschung und Aussprache*. Jg.1. 1927. S. 331—354.
- [9] Marx K. *E`konomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. *E`konomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty*. Moscow. Akademicheskij proekt; 2010. p.303—358. (In Russian).

Сведения об авторе:

Давлетшина Анна Маратовна — ассистент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия (e-mail: a.m.davletshina@urfu.ru).

About the author:

Davletshina Anna M. — assistant of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (e-mail: a.m.davletshina@urfu.ru).